

МЕТОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ЭСХАТОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ОТКРОВЕНИЯ ИОАННА БОГОСЛОВА

А. С. НЕБОЛЬСИН

В статье рассматриваются основные интерпретационные подходы к Откровению Иоанна Богослова и производится их сопоставление с эсхатологией книги и ее структурой. Выявляется наличие в Апокалипсисе различных типов эсхатологии и возможность разного членения книги на разделы. Констатируется взаимосвязь между интерпретационными подходами и особенностями эсхатологии и структуры книги. Утверждается многоплановость драматургии Апокалипсиса, которая не может быть в полной мере отражена ни одним из интерпретационных подходов и ни одним вариантом структурного плана книги в отдельности, и высказывается убеждение, что полноценное истолкование Откровения Иоанна Богослова требует комбинированного применения различных интерпретационных подходов.

Откровение Иоанна Богослова — книга, толкование которой осуществлялось на протяжении всей христианской истории с применением самых разных методов¹. При сопоставлении различных попыток ее интерпретации иногда может создаться впечатление, что они относятся к совершенно разным текстам. Достаточно сравнить хотя бы толкования Андрея Кесарийского, архим. Феодора (Бухарева)² и любой современный комментарий, относящийся к научному мэйнстриму. Это разнообразие истолкований, обусловленное, вне всякого сомнения, временем и общим контекстом их появления, отражает вместе с тем и сложность драматургии самого Апокалипсиса. Его интерпретация, для того чтобы быть правильно понятой, требует предварительного разъяснения лежащих в ее основании мето-

¹ Обзор истории интерпретации Апокалипсиса см.: *Maier G. Die Johannesoffenbarung und die Kirche. Tübingen, 1981; Wainwright A. Mysterious Apocalypse. Interpreting the Book of Revelation. Nashville, 1993.* Первая из указанных книг является самым масштабным на сегодняшний день исследованием по указанной теме, но с явным акцентом на германо-центральноевропейском ареале применительно ко второму тысячелетию. Вторая книга гораздо более скромна по объему, но зато здесь гораздо больше представлен англо-саксонский материал. Существует и современный комментарий на Апокалипсис, написанный с точки зрения истории интерпретации книги: *Kovacs J., Rowland C. Revelation: The Apocalypse of Jesus Christ. Oxford, 2004.* В этом издании содержится обширный список литературы, в котором представлены многочисленные публикации по частным аспектам истории влияния и толкования Апокалипсиса.

² Труд архим. Феодора (А. М. Бухарева) под названием «Исследования Апокалипсиса» был издан посмертно в журнале «Богословский вестник» в номерах за 1913–1916 гг. Отдельный его оттиск вышел в Сергиевом Посаде в 1916 г.

дологических предпосылок. Многообразие интерпретационных подходов, применяемых к книге Откровения, может быть осмыслено в свете многомерности представленной в ней эсхатологической перспективы и многоплановости ее литературного построения. Попытка именно такого осмысления Апокалипсиса предпринимается в настоящей статье. В ее начале предлагается обзор основных методов³ интерпретации Откровения Иоанна Богослова, затем рассматривается эсхатология книги, после чего анализируется ее структура. В конце статьи делается вывод о взаимной связи этих трех аспектов. При этом автор исходит из положения, согласно которому каждый из методов плодотворен в той мере, в какой он отражает те или иные особенности драматургии Апокалипсиса, и ущербен в той мере, в какой он их игнорирует⁴.

Основные интерпретационные подходы к Апокалипсису

Важность продуманного использования интерпретационных методов при истолковании Апокалипсиса впервые открыто декларируется контрреформационными римо-католическими авторами кон. XVI — нач. XVII в., писавшими в полемике с протестантскими толкователями Апокалипсиса, которые не стеснялись относить такие образы книги, как звери из моря и из земли и великая блудница, к тем или иным реалиям ненавистного им католического мира. Речь, конечно же не идет о том, что до этого все толкователи Откровения Иоанна Богослова писали вообще без всяких методологических предпосылок. Но именно у авторов указанного круга в полемике с тем, что им представлялось методологическим произволом, мы впервые сталкиваемся с рефлексией по поводу интерпретационного метода в масштабе всей книги в целом. Не случайно крупный немецкий исследователь Апокалипсиса кон. XIX — нач. XX в. Вильгельм Буссет считал, что именно с контрреформационных толкователей начинается научное изучение Откровения Иоанна Богослова⁵.

Вместе с тем подробное описание и классификация методов интерпретации книги Откровения были выполнены лишь в XX в. Относящаяся к данному вопросу терминология в современной англо- и немецкоязычной науке не вполне совпадает. Ввиду значительного количественного доминирования в на-

³ В данной статье слово «метод» используется не в его специальном значении и с определенной долей условности. Речь здесь скорее идет о некоей герменевтической стратегии, которая выявляет священно-историческую и эсхатологическую перспективу Апокалипсиса и представляет собой своего рода «очки», сквозь которые взирают на Откровение Иоанна Богослова. В соответствии с этим слова «метод», «подход» и «взгляд» употребляются нами как взаимозаменяемые, более того, преобладать в статье будет именно слово «подход». В любом случае эти «подходы» и «взгляды» относятся к сфере методологии.

⁴ В статье намеренно оставлен без рассмотрения самый сложный для толкования отрывок Откр 20. 1–6, в котором описано тысячелетнее земное царство верных со Христом. Две тысячи лет о нем ведутся неутихающие споры, и автор этих строк должен признаться в неготовности в рамках данной статьи ни принять, ни категорически отвергнуть какое-либо из его пониманий.

⁵ *Bousset W.* Die Offenbarung Johannis. Göttingen, 1906. S. 91. На это суждение Буссета с сочувствием ссылается крупный современный католический исследователь Апокалипсиса Джанкарло Бигуцци (*Biguzzi G.* Apocalisse. Nuova versione, introduzione e commento. Milano, 2005. P. 21).

уже сегодняшнего дня англоязычных трудов, мы будем оперировать принятой в них терминологией⁶. В соответствии с ней можно говорить о четырех основных интерпретационных подходах к Апокалипсису, или четырех взглядах на него — претеристском (или претеристическом), идеалистическом, футуристическом и историцистском.

Претеристский подход (от лат. *praeterire* — проходить мимо; *praeteritus* — прошедший) представляет собой восприятие Апокалипсиса как пророчества об уже совершившихся событиях раннехристианской истории — разрушении Иерусалима, победе христианства над иудейством и язычеством при императоре Константине и т.п. Первым по-настоящему крупным представителем этого подхода к Откровению Иоанна Богослова, обосновавшим его применение, был римо-католический богослов эпохи контрреформации Луис Алькасар (1554–1613)⁷. Впоследствии этот подход применялся среди прочих Гуго Гроцием и Ж. Б. Боссюэ(том). Претеристский взгляд на Апокалипсис и ныне имеет распространение в североамериканской библеистике, в основном в виде истолкования книги как пророчества о разрушении Иерусалима и катастрофе иудейства 70 г. н. э.⁸ Важно иметь в виду, что представители данного метода понимают книгу Откровения именно как пророчество в смысле предсказания будущего, поэтому, указывая на иудейскую войну и разрушение Иерусалима как на главный предмет прозрений Тайнозрителя, они отстаивают раннюю датировку книги — до 70 г. — в противовес восходящей к Иринею Лионскому и пользующейся и ныне наиболее широким признанием датировке ее концом правления императора Домициана, то есть сер. 90-х гг.⁹ Значение этого подхода к Апокалипсису (во всяком случае, в его господствующей ныне форме) можно видеть в том, что он подчеркивает актуальность содержащихся в книге пророчеств для первых ее читателей и заставляет тем самым со всей серьезностью относиться к тому, что Откровение Иоанна Богослова оформлено как послание конкретному адресату (Откр 1. 4–5). Недостатком данного подхода являются натянутые толкования отдельных мест Апокалипсиса в интересах своей позиции, а также затушевание эсхатологического характера книги.

От претеристского подхода следует отличать широко представленное в науке наших дней прочтение Апокалипсиса, рассматривающее его исключительно с точки зрения отражения в нем современных Тайнозрителю реалий и называемое некоторыми его представителями «современно-историческим» (*contemporary-*

⁶ См.: *Beale G. K. The Book of Revelation. A Commentary of the Greek Text. Grand Rapids: Eerdmans, 1999. P. 44–49; De Silva D. A. Seeing Things John's Way: The Rhetoric of the Book of Revelation. Louisville, 2009. P. 2–6.*

⁷ Основной труд Алькасара, посвященный Апокалипсису: *Vestigatio arcanae sensus in Apocalypsi. Antverpiae, 1614*. На менее значительных, нежели сам Алькасар, его предшественников указывает В. Буссет (*Bousset. Op. cit. S. 93*).

⁸ См.: *Gentry K. L. A Preterist View of Revelation // Four Views on the Book of Revelation. Grand Rapids: Zondervan, 1998. P. 37–91; Idem. Before Jerusalem Fell. Dating the Book of Revelation. Powder Springs: American Vision, 1998; Chilton D. The Days of Vengeance. An Exposition of the Book of Revelation. Forth Worth: Dominion Press, 1987*. См. также претеристский сайт в интернете: www.preteristarchive.com.

⁹ Показательно в этом отношении название книги Кеннета Джентри: *Before Jerusalem Fell — «прежде падения Иерусалима»*.

historical) подходом¹⁰. Данный взгляд сближает Откровение Иоанна Богослова с посланиями ап. Павла, которые написаны современным апостолу общинам по поводу их повседневных проблем. Отличие этого подхода от претеристского заключается в том, что в данном случае не делается акцента на предсказании будущих событий, пусть и весьма близких по времени. При любой принимаемой датировке книги основное внимание здесь сосредотачивается именно на том, как Тайнозритель откликнулся на то, что уже наличествовало в его время. Значение этого подхода можно видеть в его связи с миром реальных фактов, в четко очерченной историко-филологической базе и, соответственно, в возможности научного применения. Его недостатком, как и у претеристского подхода, является отрицание или затушевывание эсхатологического и пророческого характера Апокалипсиса. Констатируя отличие «современно-исторического» метода от претеристского, мы должны, однако, признать, что применительно к предмету настоящей статьи это отличие является несущественным, и поэтому в дальнейшем в статье эти два подхода будут рассматриваться вместе¹¹. Их объединяет взгляд на Апокалипсис как на книгу о прошедшем, пусть ее учение и имеет непреходящую ценность.

Следующий интерпретационный подход к Откровению Иоанна Богослова — идеалистический. Его отличительной особенностью является истолкование Апокалипсиса как символического изображения брани между силами сатаны и народом Божиим вне всякой непосредственной связи с какой бы то ни было конкретной исторической реальностью¹². Данный подход обычно применяется в сочетании с другими подходами. Он представлен у многих толкователей, принадлежащих к разным эпохам и традициям, в том числе и у представителей патристической эпохи. Значение его видится в акценте на богословском содержании Апокалипсиса, в предоставляемой им возможности вскрыть богословский смысл книги вне зависимости от решения связанных с ней исторических воп-

¹⁰ *Hemer C. J. The Letters to the Seven Churches of Asia in Their Local Setting. Sheffield, 1986. P. 20; De Silva. Op. cit. P. 6.* Дж. Бигуцци, ставя своей целью найти общие положения, которые следовало бы разделять современным исследователям Апокалипсиса самых разных направлений, в качестве одного из таковых называет именно то, что Откровение Иоанна написано для современных Тайнозрителю читателей как отклик на их ситуацию, и прямо говорит о параллели с ап. Павлом в этом отношении (*Biguzzi G. In cerca di punti condivisibili per l'interpretazione dell'Apocalisse // Biblical Exegesis in Progress. Old and New Testament Essays / J. N. Aletti, J. L. Ska, ed. R., 2009. P. 501–527.*)

¹¹ Надо сказать, что и в количественном отношении, и в плане научного веса представители «современно-исторического» метода заметно преобладают над представителями классического претеристского подхода.

¹² См. суждение крупнейшего русского дореволюционного исследователя Апокалипсиса В. В. Четыркина: «Содержание и задачу этого пророчества (то есть пророчества, содержащегося в Апокалипсисе. — *А. Н.*) мы полагаем не в предсказании будущих событий в их конкретной форме, а в прозрении в общие перспективы, в каких рисуется в будущем взаимоотношение царства Божия и мира. В Апокалипсисе мы имеем дело главным образом с кругом образно представленных идей, а не с событиями будущей истории» (*Четыркин В. В. Апокалипсис св. Апостола Иоанна Богослова. Исагогическое исследование. Петроград, 1916. С. 267*). Изложение идеалистической позиции современным исследователем см.: *Hamstra S. An Idealist View of Revelation // Four Views on the Book of Revelation. Grand Rapids: Zondervan, 1998. P. 93–131.*

росов. Недостаток идеалистического подхода состоит в опасности «развоплощения» книги Откровения, ее отрыва от современной автору и первым читателям реальности и превращения ее в набор общих мест.

Фуруристический подход представляет собой истолкование Апокалипсиса как пророческого описания хода событий непосредственного конца истории. Этот подход широко представлен у святых отцов, в настоящее время — у консервативных англоязычных протестантов¹³. В эпоху контрреформации в полемике с актуализирующими протестантскими толкованиями он выдвигался на первый план и обосновывался римо-католическим богословом Франсиско Риберой (1537—1591)¹⁴. Значение данного подхода к истолкованию Апокалипсиса состоит в справедливом акцентировании эсхатологически-пророческого характера книги. Недостатком его может считаться отрыв Откровения Иоанна Богослова от современной автору и первым читателям действительности (см. недостатки идеалистического метода). Следует, впрочем, отметить, что указанный недостаток может быть в известной степени преодолен в рамках самого фуруристического подхода при его гибком применении. Апокалипсис свидетельствует о скором конце, то есть — даже если не вдаваться в хронологические калькуляции относительно «времен и сроков» — об эсхатологичности ситуации самих малоазийских церквей, являющихся адресатами книги. Можно трактовать Апокалипсис как книгу о будущем конце мира и в то же время в полной мере осознавать и акцентировать в толковании укорененность этого «будущего» в реалиях, окружающих первых ее читателей.

Последний рассматриваемый нами подход к толкованию Откровения Иоанна Богослова — историцистский. Его суть состоит в том, что Апокалипсис рассматривается как пророчество о ходе истории (в смысле смены эпох), начиная от Христа (или от сотворения мира) и до конца мира. Впервые этот подход был применен и обоснован известным южноитальянским цистерцианским мистиком Иоахимом Флорским (1135—1202)¹⁵, а впоследствии был развит Александром Миноритом (ум. ок. 1271)¹⁶ и Николаем Лирским (ок. 1270 — ок. 1349)¹⁷. Ярчайшим русским представителем этого истолковательного метода был архимандрит Фе-

¹³ См., например, толкования 13 и 17 гл. Апокалипсиса в труде св. Ипполита Римского «О Христе и антихристе». Образец современного фуруристического комментария: *Thomas R. L. Revelation 1—7*. Chicago, 1992; *Idem. Revelation 8—22*. Chicago, 1995.

¹⁴ Основной труд Риберы, посвященный Откровению Иоанна Богослова, — *In Sacram Beati Iohannis Apostoli & Evangelistae Apocalypsin Commentarii*. Salmanticae, 1591. Текст доступен в антверпенском издании 1602 г. на сайте www.francisco-ribera.com.

¹⁵ Основные труды Иоахима Флорского, посвященные Апокалипсису: *Liber Concordiae Novi ac Veteris Testamenti*. Venetiis, 1519 (Frankfurt am Main, 1964^P); *Expositio in Apocalypsim*. Venetiis, 1527 (Venezia, 1964^P). Итальянский пер. последнего: Gioacchino da Fiore. *Sull'apocalisse: testo originale a fronte / A. Tagliapietra*, trad., cur. Milano, 1994.

¹⁶ Труд Александра, посвященный Апокалипсису: *Expositio in Apocalypsim / A. Wachtel*, Hrsg. Weimar, 1955.

¹⁷ *Opus magnum* Николая, содержащий и его толкования на Апокалипсис: *Postillae perpetuae in Vetus et Novum Testamentum*. R., 1471—1472. Впоследствии неоднократно переиздавался. Страсбургское издание 1492 г. репринтным образом переиздано в 1971 г. во Франкфурте-на-Майне. Англ. перевод относящейся к Апокалипсису части: *Nicholas of Lyra's Apocalypse Commentary / P. D. W. Krey*, trad., comm., not. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 1997.

одор (А. М. Бухарев). Применительно к посланиям семи церквям (Откр 2–3) он представлен у Н. Е. Пестова¹⁸. Очевидна шаткость экзегетических оснований и связанная с этим научная неприменимость данного подхода. Ничто в тексте Откровения Иоанна Богослова не указывает на то, что книга должна пониматься как схема развертывания исторического процесса. Такое понимание Апокалипсиса неизвестно и толкователям древней Церкви. Каждый представитель историцистского подхода подгоняет толкование под свою эпоху, и, соответственно, «карта истории» оказывается у каждого своей. Ни о каком диалоге интерпретаций здесь не может быть и речи. Нельзя, впрочем, не признать, что, будучи научно неприемлемым, историцистский метод может с пользой и успехом быть использован в публицистике или гомилетике или, выражаясь более общо, в сфере, где толкователь выступает как носитель прежде всего харизматического авторитета¹⁹.

Сказанное об интерпретационных подходах к Откровению Иоанна Богослова может быть резюмировано следующим образом. Историцистский метод должен квалифицироваться как научно неприемлемый. Первые три метода могут и, на наш взгляд, в случае полномасштабного комментирования Апокалипсиса, должны сочетаться друг с другом. Их комбинированное применение способствует пониманию Апокалипсиса как эсхатологического пророчества (футуристический подход), которое, во-первых, облечено в форму послания, имеющего конкретного адресата и являющегося откликом на его проблемы (претеристский / современно-исторический подход), и, во-вторых, содержит актуальные в любое время важнейшие богословские идеи о самом смысле христианского существования в этом мире (идеалистический подход).

Эсхатология Апокалипсиса

Теперь следует рассмотреть представленные в Апокалипсисе эсхатологические перспективы и определить, в какой степени они соответствуют представленным выше интерпретационным подходам к книге. Вряд ли кто-нибудь будет оспаривать, что в обыденном сознании Апокалипсис предстает как эсхатологическая книга *par excellence*. Тем не менее, не отрицая бесспорного общего эсхатологического характера книги, следует все же отметить, что в ней есть неэсхатологические в строгом смысле слова места и разделы. Прежде всего это относится к главам 2–3, содержащим послания Тайнозрителя семи малоазийским церквям²⁰. По мнению абсолютного большинства толкователей Апокалипсиса, эти послания адресованы реальным церковным общинам и являются откликом

¹⁸ Пестов Н. Е. Свет Откровения. Размышления над Апокалипсисом. М., 2005.

¹⁹ Поэтому и книга Н. Е. Пестова может оцениваться высоко, но именно как своеобразное харизматическое прочтение Апокалипсиса, а не как подлежащий верификации ответственный научный труд.

²⁰ Впрочем, обетования «побеждающему» в каждом из этих посланий имеют очевидный эсхатологический характер. Их анализ см.: *Biguzzi G.* «Il tempo è vicino». L'escatologia nell'Apocalisse // *Liber annuus*. 2004. Vol. 54. P. 95–118; *Wilson M. W.* The Victor Sayings in the Book of Revelation. Eugene: Wipf and Stock, 2007.

на положение дел в них²¹. Так, николаиты в ефесской и пергамской церквях (2. 6, 15) и «жена Иезавель» в фиатирской церкви (2. 20–23) — это действительные лжеучители, Антипа (2. 13) — действительный пергамский мученик, за указаниями на «сатанинское сборище» в посланиях смирнской и филладельфийской церквям (2. 9; 3. 9) стоят действительные конфликты с местным иудейством. Следует также указать на то, что в гл. 17 семь голов зверя, на котором сидит великая блудница Вавилон, отождествляются с семью царями, из которых «пять пали, один есть, а другой еще не пришел». Здесь обращает на себя внимание то, что шестой царь — это современная Тайнозрителю и его первым читателям реальность, соответственно, и сам зверь, одним из рогов которого является этот царь, имеет современное для них измерение²². Это соображение должно быть распространено и на гл. 13, главным действующим лицом которой является зверь. Наличие в Откровении Иоанна Богослова подобного рода неэсхатологических мест и разделов подчеркивает применимость в его толковании претеристского / современно-исторического подхода.

В то же время совершенно очевидно, что многие места в Апокалипсисе являются эсхатологическими в самом конкретном и очевидном смысле этого слова, то есть речь в них идет о конце мира, непосредственно предшествующих этому концу событиях и жизни будущего века. В конце книги (гл. 19–22) описываются второе пришествие Христа, конечный суд, явление нового неба и новой земли, Новый Иерусалим. После звука седьмой — финальной — трубы провозглашается наступление Царства Божия (11. 15). Наличие в Апокалипсисе мест и разделов с такой футуристической, говорящей о будущем конце, эсхатологией, свидетельствует об обоснованности футуристического подхода к толкованию книги.

Однако вся сложность эсхатологической панорамы Апокалипсиса заключается как раз в том, что утверждениями о будущем конце мира общая эсхатологическая перспектива книги не исчерпывается. Есть все основания говорить о наличии в Откровении Иоанна Богослова того, что в современном богословии часто именуется реализованной, или осуществленной, эсхатологией²³. Реализованная эсха-

²¹ См.: *Ramsay W. M.* The Letters to the Seven Churches of Asia and their Place in the Plan of the Apocalypse. L., 1904; *Hemer C. J.* The Letters to the Seven Churches of Asia in Their Local Setting. Sheffield: JSOT Press, 1986; *Scobie C. H.* Local References in the Letters to the Seven Churches // New Testament Studies. 1993. Vol. 39. P. 606–624; *Friesen S. J.* Satan's Throne, Imperial Cults and the Social Settings of Revelation // Journal for the Study of the New Testament. 2005. Vol. 27. P. 351–373.

²² На это с особой силой указывает Дж. Бигузци (*Biguzzi*. In cerca di punti... P. 519–522).

²³ Это понятие восходит к выдающемуся британскому библеисту Чарлзу Гарольду Додду (1884–1973), разграничившему футуристическую и реализованную эсхатологии. Первая говорит об обретении полноты общения с Богом лишь в будущем веке, тогда как вторая утверждает осуществление и присутствие этой полноты в жизни верующих во Христа уже в нынешнем веке. Для Додда было характерно утрирование значения реализованной эсхатологии в Новом Завете в ущерб футуристической, даже фактическое вытеснение последней за пределы новозаветного богословия. Однако само указание на наличие в новозаветных книгах, особенно в иоанновской литературе, свидетельств о полноте уже наличествующего спасения должно быть признано совершенно справедливым (*Dodd Ch. H.* The Apostolic Preaching and Its Developments. Three Lectures with an Appendix on Eschatology and History. L.: Hodder and Stoughton, 1936; *Idem.* The Parables of the Kingdom. L.: Nisbet & Co, 1935 (русский перевод: Притчи Царства. Б. м.: Хиллтоп, б. г.)).

тология в Апокалипсисе представлена в утверждении царского и священнического достоинства христиан уже в этом веке (1. 6; 5. 9–10), в характеристике Царства как наличной реальности (1. 9), в указании на уже совершенную Христом победу (5. 5), в описании предстояния святых перед престолом Божиим с использованием литургических черт (7. 9–17; 11. 15–19; 15. 2–4; 19. 1–9), позволяющем говорить о богослужении Церкви как соучастии в богослужении небесном, в изображении самого Тайнозрителя — общника и собрата христиан и, в частности, пророков (1. 9; 19. 10; 22. 9), — как сослужителя двух эсхатологических свидетелей (11. 1–13), в утверждении наступления спасения после низвержения сатаны с неба (12. 9–12), в характеристике христиан как «живущих на небе» (13. 6) и ряде других мест.

Особенно показательны последние три места из числа указанных. Первые два стиха гл. 11 являются единственным местом в основном корпусе видений Апокалипсиса (гл. 4–22), где Тайнозритель выступает в качестве активного действующего лица, а не просто реципиента откровений, — по крайней мере, ему дается повеление совершить измерение храма, и, очевидно, должно предполагаться действительное осуществление данного повеления. Вне измерения остается внешний двор храма, который будет попирается язычниками в течение сорока двух месяцев. В следующем, третьем стихе гл. 11 говорится о том, что в течение этого же срока, который теперь уже обозначен как 1260 дней, будет протекать пророческое служение «двух свидетелей», мученическая кончина и воскрешение которых приводит к эсхатологической развязке при гласе седьмой трубы и провозглашению преобразования царства мира в «Царство Господа нашего и Христа Его» (11. 15). Благодаря такому помещению в один план служения Апостола и двух свидетелей, достигается двойной эффект. С одной стороны, служение Тайнозрителя, а вместе с ним и служение всех христиан и, в частности, пророков (1. 9; 19. 10; 22. 9), в качестве общника и собрата которых Иоанн представляет себя в своей книге, приобретает ярко выраженный эсхатологический, так сказать, финальный характер. С другой стороны, само служение двух свидетелей, эсхатологичность которого недвусмысленно подчеркнута в самом тексте Апокалипсиса, оказывается восходящим к служению Апостола и его собратьев и в этом смысле охватывающим всю историю Церкви. Таким образом, отрывок 11. 1–13 может рассматриваться как символический срез всей истории Церкви, в ходе которой она осуществляет свое эсхатологическое по своей сути свидетельство перед миром²⁴. Если под реализованной эсхатологией обычно понимается предвосхищение благ будущего века в веке нынешнем, то применительно к отрывку Откр 11. 1–13, живописующему мученический подвиг двух свидетелей, можно говорить о предвосхищении во всегдашней жизни и в повседневном свидетельстве христиан финальных, непосредственно предшествующих концу нынешнего века и наступлению века будущего, скорбей («Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим 3. 12)).

²⁴ Таково понимание данного отрывка у наиболее значительных современных исследователей Апокалипсиса (см.: *Beale*. Op. cit. P. 556–612; *Prigent P.* Commentary on the Apocalypse of St. John. Tübingen, 2001. P. 324–365; *Biguzzi G.* Apocalisse. P. 210–236; *Giesen H.* Die Offenbarung des Johannes. Regensburg, 1997. S. 239–269; *Bauckham R.* The Climax of Prophecy. Studies on the Book of Revelation. London, NY, 1993. P. 238–337).

Вторым местом Откровения Иоанна Богослова, требующим к себе нарочитого внимания при рассмотрении реализованной эсхатологии, являются стихи 12. 9—12. Здесь говорится о низвержении сатаны с неба и о провозглашении в связи с этим наступления спасения: «Ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его; потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь». К какому моменту священной истории относится это низвержение диавола? По единодушному суждению древних и новых толкователей Апокалипсиса, речь здесь не идет о будущем окончательном осуждении сатаны, которое в самом Апокалипсисе изображается, как его ввержение в «огненное озеро» (20. 10). В связи с данным местом рассматриваются либо его первое падение, переведшее его из числа служителей Божиих в разряд злых духов, либо его низвержение в результате искупительного дела Христа, то есть в любом случае события прошлого, с точки зрения Тайнозрителя и его читателей всех эпох. Оба эти варианта приемлются в качестве возможных св. Андреем Кесарийским (см. его толкование на Откр 12). Но очевидно, что в контексте провозглашения спасения речь может идти только о низвержении сатаны Крестом Христовым. «Спасение и сила и Царство Бога нашего» — это, собственно, реальность Церкви, а не что-то, доступное только в будущем. Вообще же, искупительный подвиг Христа, Его победа, столь очевидно является для Тайнозрителя центральным событием мировой истории, что некоторые исследователи предлагают даже начинать подсчет царей в Откр 17. 10 (для выяснения того, кто является шестым из них, который «есть» во время написания Апокалипсиса) с первого после смерти и воскресения Христа императора, а не с Юлия Цезаря или Октавиана Августа²⁵.

Наконец, нельзя пройти мимо характеристики тех, кого наряду с Богом хулит зверь из моря: «живущие на небе» (ἐν τῷ οὐρανῷ σιτηοῦντες (13. 6)). Можно было бы без всяких сомнений отнести это именование к небесной Церкви или к ангелам, и такое толкование само по себе не вызывало бы никаких проблем. Однако в Апокалипсисе неоднократно упоминаются «живущие на земле» (οἱ κατοικοῦντες ἐπὶ τῆς γῆς (3. 10; 6. 10; 8. 13; 11. 10; 13. 8, 14; 17. 8)), и ввиду этого идентификация «живущих на небе», очевидно, должна некоторым образом коррелировать с данным понятием. Ключом к пониманию того, кто суть «живущие на земле», являются упоминания о них в 8. 13 и 9. 4. В первом из этих мест провозглашается горе «живущим на земле» от последних трех трубных гласов, а во втором — отмечается, что бедствия пятой трубы касались лишь тех людей, «которые не имеют печати Божией на челах своих». Таким образом, «живущие на земле» — это не входящие в сферу благодатного покровительства Божия грешники²⁶. Но тогда и «живущие на небе» могут пониматься в смысле тех, кто имеет печать Божию, то есть верных Богу христиан, людей Церкви, причем Церкви вовсе не

²⁵ Ярчайший пример — Пьер Прижан, который начинает отсчет с Калигулы и, пропуская Гальбу, Отона и Вителлия, как не утвердившихся у власти претендентов на престол, приходит к Домициану как к шестому царю (*Prigent*. Op. cit. P. 68—71, 481—483).

²⁶ Этому полностью соответствуют указания на то, что именно «живущие на земле» пролили кровь мучеников (6. 10), будут радоваться смерти двух свидетелей (11. 10) и поклонятся зверю (13. 8).

исключительно небесной, а в первую очередь странствующей в этом мире. Итак, обладание печатью Божией на челе, жизнь в Церкви — это «жизнь на небе». Этот статус христианина неизменен во все времена, и поскольку выше уже было отмечено, что хулящий «живущих на небе» зверь есть реальность, имеющая современное Тайнозрителю измерение, то можно сказать, что в 13. 6–7 описана та же всегда идущая брань сил зла против Церкви, что и в 11. 1–13²⁷.

Реализованная эсхатология, свидетельствующая о принципиальной эсхатологичности христианской жизни, об обладании уже в нынешнем веке благами богообщения и о брани, которую постоянно ведет с христианами низверженный с неба диавол посредством «многих антихристов» (1 Ин 2. 18), дает возможность исследователю, приступающему с богословским интересом к изучению Апокалипсиса, применять идеалистический подход, акцентируя не привязанную к какой-либо конкретной эпохе духовную значимость отраженных в книге реалий, а исследователю, движимому интересом, прежде всего историческим, позволяет сосредоточить свое внимание на том «поле брани», на котором именно в эпоху создания книги протекало противостояние между силами света и тьмы, и применять претеристский / современно-исторический подход. Исторический и богословский интересы конечно же не противоречат друг другу, ввиду чего претеристский / современно-исторический и идеалистический подходы могут успешно комбинироваться.

Структура Апокалипсиса

Проблема структуры Апокалипсиса, не привлекавшая к себе, в целом, внимания древних толкователей книги, играет большую роль в современных исследованиях Откровения Иоанна Богослова²⁸. Показательно, что в ряде моно-

²⁷ См.: *Prigent*. Op. cit. P. 408–409; *Beale*. Op. cit. P. 697–698.

²⁸ Важнейшие исследования структуры Апокалипсиса: *Vanni U.* La struttura letteraria dell'Apocalisse. Brescia, 1980; *Biguzzi G.* I settenari nella struttura dell' Apocalisse. Analisi, storia della ricerca, interpretazione. Bologna, 1996; *Bornkamm G.* Die Komposition der apokalyptischen Visionen in der Offenbarung Johannis // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. 1937. Bd. 36. S. 132–149; *Schuessler-Fiorenza E.* The Eschatology and Composition of the Apocalypse // Catholic Biblical Quarterly. 1968. Vol. 30. P. 537–569; *Idem.* Composition and Structure of the Book of Revelation // Catholic Biblical Quarterly. 1977. Vol. 39. P. 344–366; *Strand K. A.* Chiastic Structure and Some Motifs in the Book of Revelation // Andrew's University Seminary Studies. 1978. Vol. 16. P. 401–408; *Idem.* The Eight Basic Visions in the Book of Revelation // Andrews University Seminary Studies. 1987. Vol. 25. P. 107–121; *Lambrecht J.* A Structuration of Revelation 4. 1–22. 5 // L'Apocalypse johannique et l'Apocalyptique dans le Nouveau Testament. Gembloux: Leuven University Press, 1980. P. 84–97; *Hahn F.* Zum Aufbau der Johannesoffenbarung // Studien zum Neuen Testament. Tübingen, 2005. Bd. 2. S. 531–540; *Baumert N.* Ein Ruf zur Entscheidung. Aufbau und Botschaft der Offenbarung des Johannes // Studien zu den Paulusbriefen. Stuttgart, 2001. S. 296–309; *Bauckham*. Op. cit. P. 1–37; *Thomas R. L.* The Structure of the Apocalypse: Recapitulation or Progression? // The Masters Seminary Journal. 1993. Vol. 4. P. 45–66; *Smith Ch. R.* The Structure of the Book of Revelation in Light of Apocalyptic Literary Conventions // Novum Testamentum. 1994. Vol. 36. P. 373–393; *Beale*. Op. cit. P. 109–151; *Hall M. S.* The Hook Interlocking Structure of Revelation: The Most Important Verses in the Book and How They May Unify Its Structure // Novum Testamentum. 2002. Vol. 44. P. 278–296; *Jauhainen M.* Recapitulation and Chronological Progression in John's Apocalypse: Towards a New Perspective // New Testament Studies. 2003. Vol. 49. P. 543–559; *Tavo F.*

графий, посвященных тем или иным вопросам богословия Апокалипсиса, не имеющим, казалось бы, никакого отношения к структуре книги, имеются разделы, специально посвященные проблеме ее построения²⁹. Это конечно же не случайно. Во-первых, всеми осознается, что само по себе обилие представленных в книге ярких и подчас причудливых образов, сменяющих друг друга, на первый взгляд, калейдоскопически и беспорядочно, в сочетании с развитой числовой символикой и различными видами повторности придает вопросу о построении Апокалипсиса исключительную экзегетическую значимость. Во-вторых, для многих очевидно, что выявляемая структура книги имеет значимость собственно богословскую. Постигая отраженную в структуре драматургию Апокалипсиса, мы входим в мир идей автора, начинаем понимать, откуда и куда он нас ведет, нам становятся очевидны акценты его мысли. Бегло рассматривая в настоящей статье построение Апокалипсиса, мы попытаемся выявить его связь с интерпретационными подходами к книге и ее эсхатологией. При этом наша задача состоит не в выработке единого всеохватного структурного плана книги, а в обозрении уже предложенных вариантов ее структурирования и выявлении значения каждого из них.

В науке предложено множество различных вариантов структурирования Откровения Иоанна Богослова. Многочисленность этих вариантов, несомненно, связана с богатством драматургии этой богодухновенной книги и недостатком человеческих возможностей для отображения в рамках одной схемы ее многомерности. В качестве первого шага, позволяющего в дальнейшем лучше ориентироваться в «лабиринтах» Апокалипсиса, следует выявить в тексте книги периодически появляющиеся устойчивые формулы. Исследование текста Апокалипсиса показывает, что такие устойчивые формулы зачастую появляются на гранях его крупных разделов, ввиду чего они могут рассматриваться в качестве структурных маркеров.

Первым таким маркером может считаться выражение «чему надлежит быть вскоре» (1. 1; 22. 6), или в другом варианте «чему надлежит быть после сего» (1. 19; 4. 1)³⁰. Этот маркер разбивает Откровение Иоанна Богослова на четыре крупных раздела: введение (1. 1–1. 20), послания семи церквям (гл. 2–3), основной корпус видений (4. 1–22. 5), заключение (22. 6–21).

The Structure of the Apocalypse. Re-examining a Perennial Problem // *Novum Testamentum*. 2005. Vol. 47. P. 47–68.

²⁹ См., например: *Herms R.* An Apocalypse for the Church and for the World. The Narrative Function of the Universal Language in the Book of Revelation. B., N. Y., 2006; *Morton R. S.* One upon the Throne and the Lamb. A Tradition Historical / Theological Analysis of Revelation 4–5. N. Y., 2007; *Tavo F.* Woman, Mother and Bride. An Exegetical Investigation into the «Ecclesial» Notions of the Apocalypse. Leuven; P.; Dudley: Peeters, 2007.

³⁰ Исследователи справедливо усматривают здесь аллюзию на слова пророка Даниила (Дан 2. 28–29, 45), обращенные им к царю Навуходоносору, причем характерной оказывается замена данииловской формулировки «что будет в последние дни» на соответствующее новозаветному восприятию времени выражение «чему надлежит быть вскоре» (*Beale G. K.* The Influence of Daniel upon the Structure and Theology of John's Apocalypse // *Journal of the Evangelical Theological Society*. 1984. Vol. 27. P. 413–423).

В качестве второго структурного маркера можно выделить словосочетание «в Духе», также появляющееся в Апокалипсисе четыре раза и каждый раз отмечающее место пребывания или перемещения Тайнозрителя. В 1. 10 оно указывает на пребывание Иоанна в Духе на Патмосе, в 4. 2 — на его восхождение на небо к престолу Божию, в 17. 3 — на его перенесение в пустыню, а в 21. 10 — на его вознесение на высокую гору. Этот маркер также делит Апокалипсис на четыре части, но уже отличные от тех, которые выявлял первый маркер. В данном случае три цезуры оказываются находящимися внутри того раздела, который выше был обозначен нами как основной корпус видений. Обращает на себя внимание совпадение местоположения обоих маркеров в начале гл. 4. Тем самым от последующих видений четко отграничиваются послания семи церквам, содержащиеся в гл. 2–3. Второй маркер позволяет видеть уже в стихах 1. 9–20 вступление к посланиям, а в качестве общего пролога книги выделяет первые восемь ее стихов. Расположение двух рассмотренных маркеров в тексте Апокалипсиса схематически может быть представлено следующим образом:

1.1 Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, *чему надлежит быть вскоре*.

1.10 Я был *в Духе* в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний.

1.19 Итак напиши, что ты видел, и что есть, и *что будет после сего*.

4.1 После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, *чему надлежит быть после сего*.

4.2 И тотчас я был *в Духе*; и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий.

17.3 И повел меня *в Духе* в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами.

21.10 И вознес меня *в Духе* на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога.

22.6 И сказал мне: сии слова верны и истинны; и Господь Бог святых пророков послал Ангела Своего показать рабам Своим то, *чему надлежит быть вскоре*.

Третьим структурным маркером книги Откровения может считаться эксплицитная седмеричность³¹. Явным образом выделяются, помимо посланий

³¹ Мы намеренно подчеркиваем здесь эксплицитность, так как в Апокалипсисе наличествует седмеричность и немаркированная, которая не имеет формообразующего значения. На-

семи церквам, седмичные циклы печатей (6. 1–8. 1), труб (8. 2–11. 15) и чаш (15. 1–16. 21).

Наконец, в качестве еще одного структурного маркера должен быть назван срок в три с половиной года, который, по-разному сформулированный, встречается в гл. 11–13 Апокалипсиса. В 11. 2 и 13. 5 говорится о 42 месяцах, в 11. 3 и 12. 6 о 1260 днях, а в 12. 14 использована восходящая к пророку Даниилу формула «время, времена и полвремени» (см. Дан 7. 25; 12. 7). Указанием на этот срок главы 11–13 прочно связываются друг с другом в единый раздел. В течение данного срока осуществляется служение двух свидетелей (гл. 11) и богоборческая деятельность двух зверей (гл. 13), происходит попрание святого города язычниками (гл. 11) и укрытие «Жены, облеченной в солнце» от преследующего ее дракона-сатаны в пустыне (гл. 12).

Таким образом, структурные маркеры книги Откровения позволяют выделить ее основные разделы. Первым среди них является септет посланий малоазиатским церквам (гл. 2–3 с возможным введением в виде 1. 9–20), четко выделенный первыми двумя рассмотренными маркерами, совпадение местоположения которых в 4. 1–2 является особенно показательным. Далее, в качестве основных разделов Апокалипсиса выделяются прочие эксплицитно маркированные седмерицы книги: серии печатей, труб и чаш (соответствуют третьему маркеру). Центральные главы книги (11–13 вместе с гл. 10, которая, безусловно, представляет собой введение к гл. 11, и вместе с гл. 14, которая может пониматься как постлюдия к гл. 13) должны мыслиться как единый раздел, объединенный использованием временного срока в три с половиной года, обозначенного нами как четвертый структурный маркер. И, наконец, второй маркер («в Духе») позволяет выделить в качестве основных разделов конца книги Откровения антитетически-параллельные отрывки, посвященные описанию «великой блудницы» Вавилона и «невесты и жены Агнца» Нового Иерусалима. Тайнозритель в Духе перенесен в пустыню, чтобы созерцать Вавилон (17. 3), и в Духе же вознесен на высокую гору, чтобы созерцать сходящий с неба Иерусалим (21. 10). Выражение «в Духе» маркирует начало двух этих антитетических разделов. При этом важно отметить, что и окончания этих разделов оформлены единообразно, и таким образом они оказываются одинаково обрамленными. В обоих случаях раздел завершается констатацией истинности произнесенных слов и попыткой Иоанна поклониться показавшему ему видения ангелу, который пресекает эти попытки, призывая Тайнозрителя поклониться Богу (см.: 19. 9–10; 22. 6–9).

Выделив структурные маркеры и основные разделы Апокалипсиса, следует перейти теперь к рассмотрению основных общих структурных схем книги. Варианты плана Апокалипсиса можно разделить на два типа: линейно-прогрессивный (с его различными подвидами) и хиастический. Линейно-прогрессивные планы выстраивают разделы книги в прямой последовательности от ее начала к концу. Примером плана подобного типа может считаться схема, предложенная

пример, в книге имеется семь макаризмов (блаженств: 1. 3; 14. 13; 16. 15; 19. 9; 20. 6; 22. 7, 14), семь провозглашений Христа «я грядущий» (ερχομαι: 2. 5, 16; 3. 11; 16. 15; 22. 7, 12, 20).

Ричардом Бокхемом, основывающаяся на втором и третьем маркерах из числа представленных выше³² (приводим ее с небольшими изменениями):

I. Вступление: 1. 1–8.

II. Видение подобного Сыну Человеческому и послания семи церквам: 1. 9–3. 22 («я был в Духе в день воскресный» в 1. 10).

III. Видения, построенные по седмичному принципу (семь печатей, труб и чаш): 4. 1–16. 21 («и тотчас я был в Духе» в 4. 2).

1. Вступление. Небесная литургия с передачей запечатанной книги Агнцу: 4. 1–5. 14.

2. Семь печатей: 6. 1–8. 1.

3. Семь труб: 8. 2–11. 19.

4. Война сил зла с народом Божиим: 12. 1–14. 20.

5. Семь чаш: 15. 1–16. 21.

IV. Вавилон — великая блудница: 17. 1–19. 10 («и повел меня в духе в пустыню» в 17. 3; «сии суть истинные слова Божии... Богу поклонись» в 19. 6–9).

V. Переход от Вавилона к Новому Иерусалиму: 19. 11–21. 8.

VI. Новый Иерусалим — Невеста Агнца: 21. 9–22. 9 («и вознес меня в духе на великую и высокую гору» в 21. 10; «сии слова верны и истинны... Богу поклонись» в 22. 6–9).

VII. Заключение: 22. 10–21.

Можно сразу же отметить, что в этой схеме наглядно отражены особое положение посланий семи церквам, формообразующее значение седмичных циклов, антитетический параллелизм разделов, посвященных Вавилону и Новому Иерусалиму, но нарушается единство глав 11–13, обеспечиваемое четвертым маркером (три с половиной года). Это происходит конечно же потому, что, согласно учтенному в данной схеме третьему маркеру (эксплицитная седмичность), гл. 11 относится к септету труб, а гл. 12–13 находятся вне его. Это делает очевидным, что выделенные выше маркеры, так сказать, лишают друг друга силы, в некотором смысле противоречат друг другу, и реализовать их в рамках одной схемы одновременно невозможно.

Важно также отметить, что серьезную проблему представляет собой не столько членение текста Апокалипсиса как таковое, сколько определение хронологической и смысловой взаимосвязи между отдельными его разделами и эпизодами. Представленный выше план Р. Бокхема сам по себе не отвечает на вопрос о том, должны ли мы мыслить разделы книги как описывающие хронологически следующие друг за другом события, или же между ними возможны более сложные взаимоотношения (прежде всего это касается взаимоотношения седмериц печатей, труб и чаш). Некоторые исследователи, задававшиеся этим вопросом, предлагали мыслить седмичные циклы видений как хронологически параллельные, обращая внимание, в частности, на то, что в рамках каждой седмерицы, входящей в основной корпус видений Апокалипсиса, достигается эсхатологическая вершина (7. 9–17 в цикле печатей (ср.: 21. 3–6), 11. 15–19 в

³² *Bauckham*. Op. cit. P. 21–22.

цикле труб, 16. 17 в цикле чаш). Циклы печатей, труб и чаш при таком подходе по-разному отражают одну и ту же реальность. Такую особенность драматургии Апокалипсиса часто именуют рекапитуляцией³³. Решительным сторонником рекапитуляционного взгляда на построение Апокалипсиса был В. В. Четыркин. Он определял свою позицию следующим образом: «При взгляде на Апокалипсис... мы видим в нем не развитие, определяемое временную последовательностью, но положительно утверждаем параллелизм некоторых видений... речь иногда здесь идет о таких предметах, что утверждение временной последовательности касающихся их событий представлялось бы и странным и совершенно излишним»³⁴.

Выделяя в Апокалипсисе гл. 1–3 в качестве пролога, а 22. 10–21 в качестве заключения, Четыркин видит в книге четыре больших раздела (4. 1–8. 1; 8. 2–11. 19; 12. 1–19. 10; 19. 11–22. 9), из которых первые три, «привязанные к схеме семи казней», параллельны друг другу, а четвертый является их продолжением, начинаясь в той точке, в которой завершается действие в каждом из них. Схематично это можно изобразить следующим образом:

I. 4. 1–8. 1
Пролог (гл. 1–3) → II. 8. 2–11. 19 } → IV. 19. 11–22. 9 → Заключение (22. 10–21)
III. 12. 1–19. 10

Однако рекапитуляция в том чистом виде, в котором она представлена в схеме Четыркина, многих не удовлетворяет, поскольку она не отражает несомненно наличествующей в Апокалипсисе эскалации драматического напряжения, проявляющейся, в частности, в увеличении масштаба бедствий в каждом седмичном цикле по отношению к предыдущему (1/4 земли: четвертая печать; 1/3: трубы; в цикле чаш ограничения отсутствуют) и добавлении элементов или увеличении красочности при каждом новом упоминании впервые появляющейся в 4. 5 серии знамений (к названным в 4. 5 «молниям и громам и гласам» в 8. 5 добавляется «землетрясение», в 11. 19 — «великий град»; в 16. 18–21 землетрясение и град описываются более развернуто).

С целью совмещения явно наличествующей в Апокалипсисе на структурном уровне повторности со столь же очевидной интенсификацией было предложено такое понимание построения книги, согласно которому последний элемент каждой седмерицы включает в себя всю последующую седмерицу, то есть содержанием седьмой печати является вся седмерица труб, а седьмой трубы — вся седмерица чаш³⁵. Ярким примером плана Апокалипсиса, который отражал бы такую «телескопическую» драматургию книги, является схема, предложенная

³³ Само по себе это явление отмечено и охарактеризовано уже в конце III в. автором первого дошедшего до нас полного толкования на Апокалипсис Викторином Петавийским, само же слово «рекапитуляция» было применено для его обозначения позднее. В науке нового времени «рекапитуляция» может считаться техническим термином с устойчивым значением. Подробный обзор истории употребления данного понятия в посвященной толкованию Апокалипсиса литературе, начиная с IV в., см.: *Biguzzi. I settenari nella struttura...* P. 48–88.

³⁴ Четыркин. Цит. соч. С. 266.

³⁵ *Кассиан (Безобразов), ep.* Христос и первое христианское поколение. М., 2001. С. 436; *Lambrecht. Op. cit.; Thomas. The Structure of the Apocalypse...*

современным римо-католическим библеистом Яном Ламбрехтом для основного корпуса видений, согласно выделенному нами первому маркеру (4. 1–22. 5)³⁶.

Рассмотренные выше структурные схемы Апокалипсиса относятся к линейно-прогрессивному типу. Другим типом структурирования Апокалипсиса является хиастический³⁷. Его отличительной чертой является симметричное расположение разделов книги, при котором первый раздел оказывается соответствующим последнему, второй — предпоследнему и т. д. Очевиден минус данного типа структурирования: он совершенно не выявляет динамизм развертывания событий от начала к концу и никак не отражает очевидного нарастания драматического напряжения в книге. Однако его достоинством является возможность выделения центрального положения глав 11–13 при сохранении их единства. Классическим примером хиастического плана Апокалипсиса может считаться схема, предложенная современной американской исследовательницей Элизабет Шюсслер-Фьоренцой³⁸:

А. Пролог и эпистолярное приветствие: 1. 1–8.

В. Риторическое описание состояния городов Малой Азии: 1. 9–3. 22.

С. Открытие запечатанной книги: бедствия Исхода: 4. 1–9. 21; 11. 15–19.

Д. Горько-сладкая книжка: война против общины: 10. 1–15. 4.

С'. Исход от притеснения Вавилона / Рима: 15. 1; 15. 5–19. 10.

В'. Освобождение от зла и град Божий: 19. 11–22. 9.

А'. Эпилог и эпистолярное завершение: 22. 10–22. 21.

Наряду с достоинством выделения и сохранения единства центральных глав книги, эта схема имеет и очевидные недостатки. Помимо указанного выше общего недостатка хиастических планов, это касается перемещения некоторых стихов с их собственного места в Апокалипсисе в другие места ради получения нужных соответствий. Стихи 11. 15–19, описывающие глас седьмой трубы и последовавшие за ним голоса на небе, вырваны из раздела Д и присоединены к разделу С ради соблюдения единства цикла труб. То же самое происходит и в разделе С', куда из раздела Д перемещается стих 15. 1 ради сохранения единства цикла чаш³⁹. Очевидно, что первое из этих перемещений осуществлено с целью разрешения той проблемы, которую не решали линейно-прогрессивные планы, а именно проблемы одновременного отражения в структурной схеме включенности гл. 11 в седмицу труб и ее единства с гл. 12–13. Однако, ввиду про-

³⁶ *Lambrecht*. Op. cit. P. 85–86.

³⁷ Из приведенных в сноске 28 авторов сторонниками хиастического структурирования Апокалипсиса являются Э. Шюсслер-Фьоренца и К. Стрэнд. См. также: *Lund N. W.* Chiasmus in the New Testament. A Study in Formgeschichte. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1942; *Siew A. K. W.* The War between the Two Beasts and the Two Witnesses: A Chiastic Reading of Revelation 11. 1–14. 5. L., N. Y., 2005.

³⁸ Присутствует в обоих указанных в сноске 28 ее трудах.

³⁹ Заметим, что второй случай перемещения, в отличие от первого, никак не может рассматриваться как необходимый: в тексте Апокалипсиса нет никаких формальных препятствий для завершения раздела Д концом гл. 14.

извольности обращения с текстом, предложенное решение не может считаться удовлетворительным⁴⁰.

Итак, мы можем констатировать, что ни линейно-прогрессивные, ни хиастические планы Апокалипсиса, имеющие свои достоинства и выделяющие четко маркированные в тексте главные разделы книги, не могут в полной мере отразить богатство ее драматургии. Это проявляется, прежде всего, в неспособности отразить своеобразное положение («двойную включенность») гл. 11. Являясь подразделом септета труб и содержа описание гласа седьмой трубы и следующих за ним небесных голосов, она, несомненно, имеет кульминационный, вершинный характер и венчает всю первую половину Откровения Иоанна Богослова. «Царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его» (11. 15) — это действительно итоговое провозглашение, дальше которого пойти невозможно. Однако при этом гл. 11 вместе с являющейся введением к ней гл. 10 связывается воедино указанием на временной срок в три с половиной года с не входящими в состав какой-либо седмицы гл. 12–13. Эти главы могут считаться вступлением ко второй половине Апокалипсиса, выводя на сцену главных ее антигероев — дракона, зверя и лжепророка, финальное осуждение которых описано в гл. 19–20, после чего следует описание Нового Иерусалима — итог и вершина всей книги. Таким образом, гл. 10–11 обеспечивают своего рода «крюковое сцепление»⁴¹ между двумя половинами Апокалипсиса, что практически невозможно отразить в рамках единой структурной схемы.

Выводы

Подводя итоги статьи, следует очередной раз признать, что Откровение Иоанна Богослова — сложная, неоднородная, многоплановая по своей драматургии книга. В ней можно выделить несколько основных разделов, каждый из которых создает свое собственное «поле» и по-своему притягивает к себе прочие части книги. В ней также представлены различные эсхатологические перспективы. Соответственно, не только возможны, но и необходимы различные подходы к толкованию книги. Полноценное истолкование Апокалипсиса именно ввиду его многоплановости требует сочетания этих подходов, ни один из которых не может претендовать на исключительность.

⁴⁰ Вообще огромным недостатком многих хиастических планов — и это относится не только к Апокалипсису — является чрезвычайная произвольность устанавливаемых в них соответствий разделов. Не ограничиваясь указанием на общий концентрически-симметричный характер структуры и драматургии того или иного текста, исследователи начинают распространять хиастический принцип построения на мельчайшие его детали, доходя иной раз до совершенно явных натяжек и несуразиц. Здесь мы, очевидно, сталкиваемся с тем, что первичной оказывается заранее сконструированная исследовательская модель, а не свидетельство текста с его внутренними закономерностями. См. справедливую критику хиастического плана Апокалипсиса, представленного в трудах К. Стэнда, в работе: *De Silva D. A. X Marks the Spot? A Critique of the Use of Chiasmus in Macro-Structural Analyses of Revelation // Journal for the Study of the New Testament. 2008. Vol. 30. P. 343–371.*

⁴¹ Это удачно показано в статье М. Холла: *Hall. Op. cit. P. 278–296.*

Чуть более подробно основные выводы данной статьи можно сформулировать следующим образом. Совершенно особый, структурно выделенный раздел Апокалипсиса представляют собой послания семи церквам. С некоторой натяжкой можно сказать, что они и являются «основным текстом» книги Откровения, а следующие за ними видения — это лишь «примечания» или «комментарии» к нему. Этот важнейший раздел Апокалипсиса не является эсхатологическим в строгом смысле слова, и его наличие в книге оправдывает применение к ее истолкованию претеристского / современно-исторического подхода. А исходя из исключительного значения того факта, что сам Апокалипсис в целом оформлен как послание, этот подход может проецироваться и на другие разделы книги, не будучи при этом единственно возможным.

Центральные главы Апокалипсиса (11–13) хронологически параллельны друг другу и представляют собой краткий обзорный взгляд на историю мира и Церкви от победы Христа над сатаной (12. 5–9) и служения самого Иоанна (11. 1–2; см. его призвание к пророческому служению в гл. 10) до конца нынешнего века (11. 13–18; ср. 10. 6–7). Все драматургическое богатство Апокалипсиса отражено в своеобразном сцепляющем две половины книги положении гл. 11 (с гл. 10 в качестве вступления к ней). Предлагая принципиальное осмысление жизни Церкви в мире сем, данный раздел играет важнейшую роль в истолковании книги Откровения представителями любых интерпретационных подходов, но наиболее ярко он дает возможность проявить свои сильные стороны идеалистическому подходу. В самом центре данного раздела (12. 10–12) содержится ярчайший пример реализованной эсхатологии в Апокалипсисе.

Венчающие Откровение Иоанна Богослова видения Вавилона и Нового Иерусалима, очевидным образом выделенные Тайнозрителем в структурном отношении, являются несомненным основанием для усмотрения в Апокалипсисе футуристической эсхатологии и применения к нему футуристического интерпретационного подхода. Эти два видения представляют собой своего рода расширенную картину итоговой судьбы козлиц и овец (см. Мф 25) — одних до (Вавилон), а других после (Новый Иерусалим) Страшного Суда. Наличие в Апокалипсисе очевиднейшей устремленности к эсхатологическому свершению позволяет проецировать этот подход и на другие части книги, при том, что и он не может рассматриваться в качестве единственно возможного.

Структурно выделены в Апокалипсисе седмерицы печатей, труб и чаш. Их соотношение между собой может мыслиться как хронологически последовательное, как рекапитуляционно-параллельное и как такое, когда седьмой элемент ряда включает в себя всю последующую седмерицу. Выбор того или иного варианта имеет определенное экзегетическое значение, но ни в коем случае не решающее. Лишь строгие последователи историцистского метода, отвергнутого нами в качестве научно неприменимого, вынуждены понимать связь между седмерицами как исключительно хронологически последовательную. Представители других интерпретационных подходов более свободны в данном вопросе. Это связано с тем, что основное богословское содержание Апокалипсиса заключено в неседмично оформленных разделах (если не принимать в расчет посланий

семи церквам)⁴². Септеты печатей, труб и чаш — это, если сказать образно, — рельсы, по которым осуществляется движение внутри книги, а послания семи церквам, центральные главы, видения Вавилона и Нового Иерусалима — это «остановки в пунктах назначения».

Ключевые слова: Откровение Иоанна Богослова, Апокалипсис, претеристский метод, футуристический метод, историцистский метод, идеалистический метод, современно-исторический метод, эсхатология, футуристическая эсхатология, реализованная эсхатология, структура Апокалипсиса, структурные маркеры, линейно-прогрессивные планы, рекапитуляция, хиазм, хиастические планы, послания семи церквам, седмерицы Апокалипсиса, центральные главы Апокалипсиса, Вавилон, Новый Иерусалим.

THE METHODS OF INTERPRETATION, ESCHATOLOGY AND STRUCTURE OF SAINT JOHN'S APOCALYPSE

ANTAL NYEBOLSZIN

This article reviews the fundamental ways of interpreting St. John's Apocalypse, and places them in the context of the eschatological meaning and the literary structure of the book. It becomes evident that the Book of Revelation contains various types of eschatology and it is possible to partition the book in different ways. According to the author of this article, a type of unity exists intertwining the ways of interpreting the content of the Apocalypse and the book's structure and particular eschatology. The author affirms that the dramatic construction of the Apocalypse occurs on several levels and cannot be fully grasped by any of the methods of interpretation, nor by any of the individual types of structural analysis on its own. The author is of the opinion that it is necessary to combine these various methods of interpretation in order to arrive at an adequate exposition of the Apocalypse.

⁴² Следует, конечно, признать, что данное утверждение несет в себе элемент упрощения и верно только с оговорками. Ясно, что гл. 11 является включенной в седмерицу труб. Но в данном случае хотелось подчеркнуть то, что свою значимость она в полной мере обретает в сопряжении с гл. 12–13, образуя с ними неседмеричное структурное единство. Кроме того, очевидно, что седмерица печатей не может быть в полной мере уравнена с седмерицами труб и чаш. В отличие от них, вопреки часто звучащим утверждениям, она не является серией казней и представляется богословски более содержательной. Объем настоящей статьи не позволяет развить эту мысль подробнее.

Keywords: Revelation of Saint John, Apocalypse, praeterist approach, futurist approach, historical approach, idealist approach, contemporary-historicist approach, eschatology, futurist eschatology, realised eschatology, structure of the Apocalypse, structural markers, linear-progressive structures, recapitulation, chiasm, chiastic structures, letters to the seven churches, sets of seven in the Apocalypse, the central chapters of the Apocalypse, Babylon, New Jerusalem.